

ЮРИДИЧЕСКАЯ НИЧТОЖНОСТЬ ОТРЕЧЕНИЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Одной из удивительных особенностей русской истории является то, что меньше всего мы знаем о событиях наиболее близких к нашим дням. Впрочем, по зрелом размышлении, можно сделать вывод, что удивительного в этом ничего нет. Просто правдивая информация о том, что происходило на глазах еще живых очевидцев, более актуальна в современной политической жизни, и, следовательно, более опасна для сегодняшних либерально-демократических эквилибристов, пытающихся скрыть истину ради сиюминутных, своекорыстных интересов.

Это в полной мере относится и к так называемому «отречению» Государя Императора Николая Второго. С первых мартовских дней 1917 года прошло только 87 лет, но «факт отречения» почти всеми признан очевидным, не заслуживающим какого-либо внимания и затрат времени. «Отречение» уже стало аксиомой русской истории.

Но мы все же позволим себе попытку дать оценку действиям Государя, а также Великого Князя Михаила Александровича, причем, оценку правовую, как наиболее беспристрастную.

Как известно, до 1 марта 1917 года «прогрессивная общественность» вкуче с высшим армейским генералитетом требовала от Самодержца «ответственного министерства» или, в иной трактовке, «министерства общественного доверия». Как признавал один из самых активных заговорщиков лидер кадетской фракции в Государственной Думе П.Н. Милюков принципиальной разницы между этими революционными «формулами» не было, так как речь все равно шла об одном и том же круге лиц «ответственных министров». Просто первая, поддерживаемая, в частности председателем Государственной Думы М.В. Родзянко, формула требовала правительства, ответственного перед законодательными учреждениями - Государственной Думой и Государственным Советом. Формула же «министерства общественного доверия», культивируемая Милюковым и Ко, расширяла круг учреждений, перед которыми должны были быть «ответственны» министры, включая в него Общеземский союз во главе с князем Г.Е. Львовым, Военно-промышленные комитеты возглавляемые бывшим председателем III Государственной Думы, московским «неторгующим купцом» А.И. Гучковым и другие самозванные организации, представители которых не сумели к 1917 году получить законное право называться «представителями народа». В любом случае, *требование заключалось в создании правительства, неответственного перед Императором.*

Поразительно, но все эти профессеры, приват-доценты, присяжные поверенные и прочие представители «образованного общества», не удосужились для начала задаться хотя бы вопросом о правомерности предъявления такого требования и о возможности, с точки зрения юридической, его удовлетворения. Ослепление прелестями западной «демократии» было настолько велико, что вопрос о законности, о легитимности подобного рода заявлений, за редкими, да и то, как бы помягче выразиться, недостаточно настойчивыми исключениями, даже не вставал. А дело обстояло именно так, что неответственного перед Верховной Властью правительства в Российской Империи просто быть не могло. В соответствии со ст. 10 Основных Государственных Законов, являющихся главным источником, если хотите самодержавной конституцией, российского имперского права, «власть управления *во всем ее объеме* принадлежит Государю Императору; ...в делах же управления подчиненного определенная степень власти *вручается от Него*», т.е. Государя. Такое положение исключает возможность существования каких-либо государственных служащих не ответственных, в том числе и вплоть до увольнения, перед Монархом. Именно поэтому ст. 17 названных Законов закрепляет положение о том, что именно «Государь Император *назначает и увольняет* Председателя Совета министров, Министров и Главноуправляющих отдельными частями». Статья 123 прямо гласит: «Председатель Совета Министров, Министры и Главноуправляющие отдельными частями ответственны перед Государем Императором»,... при этом «каждый из них в отдельности ответствен за свои действия и распоряжения».

«В чем проблема?» – спросите вы, - «надо было изменить Основные Государственные Законы, и все было бы в порядке». Отнюдь. Именно эти-то законы изменить, в тех условиях, было и нельзя.

В соответствии со ст. 84 Основных Государственных Законов «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, *изданных в установленном порядке*». Согласно ст. 92 «Законодательные постановления не подлежат обнародованию, *если порядок их издания*», не публикации, конечно же, а принятия, «*не соответствует положениям сих Основных Законов*». Статья же 91 говорит, что законы «*прежде обнародования*», а таковое во всеобщее сведение осуществлялось Правительствующим Сенатом, «*в действие не приводятся*». Вот, как раз, порядок принятия новых Основных Законов либо внесения в них изменений и дополнений и не мог быть, да и не был на самом деле, соблюден.

Согласно ст. 8 Основные Государственные Законы подлежали пересмотру «*единственно по почину*» Государя Императора. Однако от него инициатива изменения существующего строя, вне всякого сомнения, не исходила. Более того, по ст. 86 Основных Государственных Законов Российской Империи «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы». Занятия же последней, как известно, с 27 февраля 1917 года были приостановлены, не начавшись. Таким образом, предварительного одобрения участвовавших в законодательстве палат быть не могло. А ведь требовалось еще и последующее утверждение закона Монархом.

Во время прекращения занятий Государственной Думы изменения в Основные Государственные Законы, согласно ст. 87, не могли быть внесены даже в чрезвычайном порядке, в том числе и Самим Государем.

Но главное в том, чего никогда не могли понять «общественные деятели». Императору Всероссийскому принадлежит *Верховная Самодержавная* власть. А это значит, что Русская монархия в принципе не может стать «конституционной». Сменяющая самодержавную конституционная «монархия», столь дорогая сердцу многих «прогрессивных монархистов», есть уже и не монархия вовсе, а золоченая ширма для закулисного республиканского политического гешефта. Ограничить же свою власть, передать право законодательствовать, формировать и контролировать деятельность правительства Российский монарх не имел права. Как писал Императору Александру I знаменитый русский историк Карамзин: «*Можешь все, но не можешь законно ограничить свою власть*».

Да, да, Император самой великой в двадцатом веке Империи не мог делать все, что пожелает. Его власть была ограничена, но не человеческой волей, а Православной Верой, блюстителем которой Государь являлся в соответствии со ст. 64 Основных Законов. Самодержавно-монархическая форма правления составляет одно из главных начал христианского учения о государстве. Вот как пишет об этом известный христианский мыслитель митрополит Московский Филарет (Дроздов): «*Как небо¹ бесспорно лучше земли и небесное лучше земного, то так же бесспорно лучшим на земле должно быть признано то, что устроено по образу небесного, как и сказано было боговидцу Моисею: *виждь, да сотвориши вся по образу*, показанному тебе на горе (Исх., 25, 40)*», то есть на высоте боговидения. Согласно с этим Бог, по образу Своего небесного единачалия, учредил на земле царя; по образу Своего небесного вседержительства, устроил на земле царя самодержавного; по образу своего царства непреходящего, продолжающего от века от века, поставил на земле царя наследственного».

Еще в VI веке Церковью была выработана форма анафемы, поражающей домогавшихся незаконно царского сана, т.е. Верховной, всеобъемлющей, полноправной и нераздельной государственной власти. В XI – XIV веках, в византийский период, анафеме предавались дерзнувшие на бунт против Помазанников. Позднее, в России анафемствовались изменники и самозванцы, совратители народа. Вот текст такой анафемы (II в чине торжества Православия): «*Помышляющим, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святого Духа к прохождению великого сего звания в них не изливаются, а тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема,*

трижды» (43, 30 –31). А выше, по тексту последования в Неделю Православия, говорится: «Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди» (43, 25).

Церковно-государственный Собор 1613 года, как единственно законный инструмент восстановления богозаконной власти в период безвластия, отразил глубокое народное убеждение, что наследственное Самодержавие есть великая святыня, предмет нашей политической веры, русский догмат, единственно надежная защита от бедствий внешних и внутренних в будущем. Наши святые отцы учили, что человеконадеянное своеволие толпы в выборе формы правления и содержания российской государственности есть богоборчество.

Отрадно, что и в канун XXI столетия, Русская Православная Церковь, приняв на Юбилейном Освященном Архиерейском Соборе Основы социального концепции РПЦ, подтвердила верность учения о монархии, как о власти богоданной, в отличие от республиканской (Ш.7.).

Император Николай Второй при Священном короновании и миропомазании принимал Самодержавие от Бога как «великое служение» (Примечание 2 к ст. 58 Основных Государственных Законов), и не в его царской власти было отказаться от него.

Могли ли это понять изуверившиеся русскоязычные «денди», мнившие себя выразителями воли Русского народа. Могли ли они осознать, что христианские венцедательные заповеди, в том числе «Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр. 2, 17), «Не прикасайтесь помазанным Моим»ⁱⁱ (1 Пар., 16, 22), есть неотъемлемая и неотменимая часть русского государственного права.

А ведь российское имперское законодательство, не игнорирующее, в отличие от республиканского, бытие Божие, а, наоборот, именно из факта этого бытия выводящее сам принцип власти, в ст. 4 Основных Государственных Законов изначально закрепляет принцип, гласящий, что повиноваться Царской власти «за совесть Сам Бог повелевает» (см. также Рим. 13, 5). Но слова «Бог» и «совесть» были для этих «передовых» деятелей, якобы представлявших волю Православного Русского народа, пустым звуком.

Все это говорит о том, что телеграмма, посланная от имени Государя, хотя есть сомнения в том, что ее послали по Его поручению, так вот эта телеграмма, в которой Николай Второй якобы дает согласие на требование «ответственного министерства» и поручает председателю закрытой Государственной Думы Родзянко составить кабинет «из лиц, пользующихся доверием всей России», никакого юридического значения не имеет. Так что бесполезными оказались труды безымянных изменников - составителей проекта этого «манифеста», направленного из Ставки Верховного Главнокомандующего в штаб Северного фронта.

Точно так же не имеют юридического значения, обладающие, тем не менее, исторической ценностью документы, названные актами или манифестами об отреченииⁱⁱⁱ.

Как известно, после разговора командующего Северным фронтом генерала Рузского с Родзянко в ночь с 1 на 2 марта 1917 года заговорщиками уже открыто было выдвинуто требование отречения Государя. В первой половине дня 2 марта генерал Алексеев и генерал А.С. Лукомский организовали предъявление Государю «верноподданнейшего» требования об отречении всеми главнокомандующими фронтами: генералами Брусиловым, Эвертом, Сахаровым и великим князем Николаем Николаевичем. Заручившись круговой порукой, генерал Рузский с первого часа дня 2 марта в течение двух часов «уговаривал» Императора отречься, позволяя себе даже фразы типа: «Ну, решайтесь». В результате в три часа дня 2 марта 1917 года Государь подписал телеграмму о согласии отречься в пользу Своего Сына Цесаревича Алексея.

Примечательно, что генерал Рузский эту телеграмму не отослал, а также, когда Государь, передумав, потребовал вернуть неотправленную телеграмму, приказ Императора исполнить отказался. Понятно, ведь это был единственный пока «документ» об отречении. Верни его Рузский Государю, у заговорщиков могло не оказаться никакого письменного свидетельства об отношении Государя к отречению вообще.

Существует две версии этого документа.

Согласно большинству источников текст телеграммы был следующим:

«Председателю госуд. думы. Петр. Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки-России. Посему Я готов отречься от Престола в пользу моего Сына, чтобы он остался *при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича*. Николай».

Однако ряд историков считает, что эта телеграмма была передана Императором генералу Алексею 3 марта 1917 г. в Могилеве, когда Государь узнал о том, что Великий Князь Михаил Алексеевич Престола *безусловно* не принял. Эту телеграмму, по тем же данным, генерал Алексеев не отправил, чтобы «не смущать умы».

Согласно тем же источникам текст телеграммы, подписанной Николаем Вторым 1 марта, был следующим:

«В тяжелую годину ниспосланных тяжких испытаний для России Мы, не имея сил вывести Империю из тяжелой смуты, переживаемой страной перед лицом внешнего врага, за благо сочли, идя навстречу желаниям русского народа, сложить бремя врученной нам от Бога власти.

Во имя величия возлюбленного русского народа и победы над лютым врагом призываем благословение Бога на сына Нашего, в пользу которого отрекаемся от Престола Нашего. Ему до совершеннолетия *регентом брата нашего Михаила Александровича...*»

Попробуем дать оценку этим документам.

Дело в том, что Российским Основным Государственным Законом вообще не известно понятие отречения от Престола. Вот чего не учли доморожденные Робеспьеры, «мучившиеся» вопросом: «А вправе ли отречься Николай за сына в пользу Великого Князя Михаила Александровича?».

Единственная в Основных Государственных Законах статья, упоминающая право на отречение, – это статья 37. Но она говорит о праве на отречение не царствующего монарха, а лишь наследников. В ней прямо говорится о свободе «отречься» от права, «при действии правил, выше изображенных *о порядке наследия Престола*». Да и эта свобода ограничена лишь теми случаями, «когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола». Иными словами, даже и наследование Престола в определенных случаях понимается как обязанность, отказ от которой не допускается.

Могут возразить, что даже, если право на отречение *от Престола* и не было предусмотрено Законами, то, руководствуясь принципом «разрешено всем, что не запрещено», Император все же мог отречься. Однако этот принцип является началом регулирующего имущественный оборот гражданского, а не государственного права. В отношении же Верховной Власти, касательно отношений «субординации» он не применим.

Учитывая же, что огромные права даны Богом Государю в неразрывной связи с его обязанностью, долгом Царского служения, а также факт миропомзания, следует признать, что отказ от обязанности, причем обязанности перед Богом, совершенно не допустим ни с точки зрения светского, в том числе и гражданского, права, ни с точки зрения права канонического, по крайней мере, без соответствующего *предварительного* разрешения если не Церковного Собора, то уж, во всяком случае, Святейшего Синода. Такого же разрешения, как известно, не было.

Ссылка на исторические прецеденты отречения Императора Петра III или отречения иностранных монархов здесь тоже не допустима.

Во-первых, при отречении Императора Петра III письменных законов о престолонаследии, кроме указа Императора Петра I, позволяющего, кстати, не отречься от Престола, а завещать его, не существовало. Нормы о престолонаследии, составившие вторую главу первого раздела Свода Основных Государственных Законов, были приняты только Императором Павлом I.

Во-вторых, возможность учета отречения неправославных монархов при рассмотрении начал Русского Самодержавия весьма сомнительна, если не сказать больше.

Вместе с тем, следует учитывать, что цитируемые Законы устанавливают *единственное основание для занятия Престола* Наследником – согласно ст. 53 наследник вступает на Престол **«по кончине Императора»**. Других оснований для занятия Российского Императорского Престола нет.

Об этом же говорят статьи 43, 44 и 52, предусматривающие назначение Правителя и Опекуна, а также назначение Совета Правительства, в случае, когда именно *по кончине Императора* Престол переходит к малолетнему наследнику.

Посему *отречение от Престола по российскому имперскому законодательству*, никем, как уже говорилось, не измененному, **не возможно в принципе**.

Есть, помимо этого, еще ряд частных замечаний по поводу этих «документов об отречении».

Так, в обеих телеграммах говорится о регентстве. Но понятие «регентство» Основным Государственным Законом не известно. Глава третья «О совершеннолетию Государя Императора, о правительстве и опеке» предусматривает назначение до достижения Императором шестнадцатилетнего возраста Правителя и Опекуна (ст. 41). Причем назначение Правителя и Опекуна осуществляется, согласно ст. 43, царствующим Императором и именно *«на случай Его кончины»*. Более того, статья 44 предусматривает, что «правительство государства^{iv} и опека над лицом Императора в малолетстве принадлежит отцу и матери». Таким образом, то, что в телеграммах названо «регентством», если под ним все же понимать «правительство и опеку» могло быть установлено только в случае кончины Николая Второго. Поручение же «правления» Великому Князю Михаилу Александровичу, поскольку родители Наследника Цесаревича были живы, вообще незаконно.

Теперь перейдем к анализу самого известного текста «отречения». Вот ее полный текст:

«Ставка. Начальнику штаба. В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной Думою, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повинованием Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

г. Псков. 2-е марта 15 час. 1917 г. Николай».

В отношении появления этого документа есть некоторые неясности. В.В. Шульгин в своих воспоминаниях утверждает, что текст был полностью написан самим Государем еще до приезда В.В. Шульгина и А.И. Гучкова в Псков вечером 2 марта 1917 г. Однако, вряд ли мысль отречься от Престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича возникла у Николая Второго до приезда сих «делегатов». Дело в том, что право Цесаревича Алексея Николаевича наследовать престол «прежде всех» было совершенно

очевидно. Не могла послужить единственным основанием для такого решения и гемофилия, которой был болен Цесаревич.

Начало этой болезни исходит от Королевы Англии Виктории. Она передала эту болезнь своему сыну Леопольду (который умер 31 года), а две ее дочери Алиса и Беатрисса были передатчицами этой болезни своим сыновьям. Принцесса Алиса вышла замуж за Великого Герцога Гессенского Людвиг IV. От этого брака было пять дочерей и два сына. Один из сыновей (Фридрих) умер от гемофилии 3 лет, и две дочери Ирена и Алиса, Российская Императрица Александра Федоровна, были передатчицами гемофилии своим сыновьям. Принцесса Ирена вышла замуж за принца Генриха Прусского. Оба сына ее были больны гемофилией. Принц Вальдемар умер 56 лет и принц Генрих 4 лет. От дочери Королевы Виктории Беатриссы гемофилия через ее дочь Викторию-Евгению, Королеву Испании, перешла к двум сыновьям последней — принцу Альфонсу (умер 31 года) и принцу Гонзало (умер 20 лет). Так, что лица, больные гемофилией, могут жить и очень мало, и дожить до 56 лет (принц Вальдемар Прусский) и иметь здоровое мужское потомство.

Здесь же было, скорее всего, другое обстоятельство.

Как мы видели, Император Николай Второй хотел, чтобы Алексей Николаевич оставался с ним до совершеннолетия, как то и предусматривают Основные Государственные Законы. Однако такое положение было совершенно неприемлемо для заговорщиков. По воспоминаниям генерала А.С. Лукомского, 2 марта 1917 г., после разговора с А.И. Гучковым и В.В. Шульгиным, Государь хотел подписать отречение в пользу наследника. Но на вопрос можно ли ему будет жить в Крыму, А.И. Гучков ответил, что Государю придется немедленно выехать за границу. «А могу ли тогда взять с собой наследника?» – спросил Император. Гучков ответил, что «новый Государь при регенте должен оставаться в России».

Таким образом, заговорщики фактически требовали отречения в пользу Михаила Александровича. То, что такое требование, а равно и отречение, *как таковое*, незаконны и юридического значения не имеют, мы уже говорили. Сами заговорщики признавали незаконность отречения «миную» Алексея Николаевича. Но несовершеннолетний Император не может отречься от Престола или «присягнуть конституции». Следовательно, уже запланированное изменниками создание, как им казалось, «правового вакуума» в результате «отречения» Михаила Александровича, было бы невозможным. Отсюда вывод - единственной возможностью установления конституционной «монархии» или скорейшего провозглашения России республикой было, в случае отречения в пользу Алексея Николаевича, *цареубийство*. Таковое же, совершенно понятно, лишало «лиц, облеченных доверием страны» всякой видимости законного правопреемства. Поэтому революционеры пошли на полное игнорирование закона. Но *dura lex sed lex*, закон суров, но это закон. «Отречение» в пользу Великого Князя Михаила Александровича было, конечно же, абсолютно незаконным.

Согласно ст. 39 Основных Государственных Законов «Император или Императрица, Престол наследующие, при вступлении на оный и миропомазании, обязуются свято наблюдать... законы о наследии Престола».

Статья 25 гласит, что «Императорский Российский Престол есть наследственный», а в статье 28 говорится, что «наследие Престола принадлежит прежде всех старшему сыну царствующего Императора». В соблюдении этого права наследства присягают также и все Члены Императорского Дома (ст. 206 Свода Основных Государственных Законов). К присяге «на верность подданства воцарившемуся Императору и законному Его Наследнику, хотя бы он и не был наименован в манифесте» о восшествии на Престол, приводятся «вообще все подданные мужского пола, достигшие двадцатилетнего возраста, всякого чина и звания» (Примечание 2 к ст. 55).

Следовательно, пока был жив Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, Престол, во всяком случае, перейти к Великому Князю Михаилу Александровичу не мог. Великий Князь,

присягнув Наследнику Николая Второго и законам о наследовании Престола, не вправе был вообще официально высказываться по вопросу о занятии Престола, кроме как, само собой разумеется, о непринятии Престола вследствие нарушения Закона. Такою же верностью подданства был обязан и весь русский народ.

Столь же юридически ничтожны вряд ли самим Государем придуманные^v слова об отречении «в согласии с Государственною Думою» и о праве законодательных учреждений устанавливать начала, которыми надлежало Михаилу Александровичу руководствоваться при управлении «делами государственными». Они, как и «ответственное министерство», противоречат принципу неотменимости Самодержавия. О принесении ненарушимой присяги, вообще непонятно, кто должен ее приносить: Михаил Александрович или «представители народа».

Обратим, также, внимание на форму данного документа. Это, как видим, адресованная 2 марта 1917 г. не «всем Нашим верным подданным», как положено, а *в Ставку, начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генерал-предателю Алексею телеграмма*, подписанная, кстати, карандашом^{vi}.

Основные Государственные Законы предусматривают, что даже отречение лица имеющего право на наследование Престола становится невозвратным, только *когда оно согласно ст. 91 будет обнародовано*, как уже упоминалось, *Правительствующим Сенатом*, и *обращено в закон*.

Следовательно, этот, с позволения сказать, «государственный документ», подложно названный потом «манифестом»^{vii} об отречении, силы закона не приобрел, и, как было рассмотрено ранее, приобрести не мог.

Дадим также юридическую оценку и заявлению Великого Князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г., которое также голословно объявляется отказом^{viii}: «Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных. Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял Я *твердое решение* в том лишь случае *воспринять Верховную власть, если такова будет воля народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые Основные Законы Государства Российского*. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться *Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти*, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. Петроград. Михаил 3 марта 1917 г.».

Прежде всего, как следует из данного заявления, Великий Князь Михаил Александрович принял твердое решение воспринять Верховную Власть. Что же касается поставленного им условия, то оно никакого правового значения иметь не может в силу ряда следующих существенных обстоятельств.

Во-первых, такое условие абсолютно противоречит *правилу о наследовании Престола исключительно на основании закона* (ст. 53), без необходимости согласия народа, который уже выразил в 1613 году свою действительную волю, дав священную присягу на верность всей Династии. Условие о согласии народа на принятие Престола Основными Государственными Законами Российской Империи не только не предусмотрено, но и введено в них не может. Каждый Член Российского Императорского Дома, присягая при торжественном объявлении совершеннолетия, произносит, в том числе и *в качестве церковной клятвы*, следующие слова:

«...По званию моему Члена Императорского Дома (или же: лица, принадлежащего к Императорскому Дому) обязуюсь и клянусь соблюдать все постановления о наследии Престола и порядке фамильного учреждения, в Основных Законах Империи изображенные, во всей их силе и *неприкосновенности*, как пред Богом и судом Его

страшным ответ дать могу. Господь Бог мне в сем душевно и телесно да поможет. Аминь».

Никакого Временного Правительства, да еще по почину Государственной Думы возникшего, не измененными и неизменяемыми в этом отношении Основными Государственными Законами не предусматривалось. Тем более, «облеченного всею полнотой власти».

Никакое «учредительное собрание» решать вопрос об образе правления, равно как и устанавливать новые законы, поскольку не отменены^{ix} и не могли быть отменены старые, не может.

Потом не надо забывать, что «отречение» Николая Второго юридически ничтожно, и, следовательно, заявление Михаила Александровича, как бы ни бился в радостной истерике при его подписании господин, товарищ и брат Керенский, с точки зрения правовой, во внимание принято вообще быть не может.

Даже если бы законодательством и была предусмотрена возможность отречения в пользу Михаила Александровича, поскольку последний обусловил принятие Престола определенными обстоятельствами, а согласия на передачу Престола на этих условиях от отрекающегося от Престола получено не было, Верховная Власть, не становясь «бесхозной», осталась бы принадлежащей Николаю Второму.

В заключение, отметим еще одно очень важное, если не главное, наряду с нарушением установленных законодательством основ правопорядка, правил принятия, обнаружения и оформления рассмотренных «документов», обстоятельство.

Главным условием признания того или иного деяния в качестве имеющего правовое значение является «свобода воли».

В.В. Шульгин, в революционном ослеплении полагал, что «в случае отречения... революции как бы не будет (вот, именно, «как бы»). Государь отречется от престола *по собственному желанию*, власть перейдет к регенту, который назначит новое правительство. Государственная Дума, подчинившая указу о роспуске и подхватившая власть (вот так «подчинившаяся»)... - передаст власть этому новому правительству».

И, именно, отсутствие этого самого «собственного» желания окончательно убеждает в юридической ничтожности всех этих «актов» и «манифестов».

Если действие, и это верно не только для гражданско-правовых отношений, совершается под влиянием насилия, угрозы, обмана, заблуждения или стечения тяжелых обстоятельств, то воля самого действующего лица на совершение соответствующего действия отсутствует, имеющее же место волеизъявление отражает волю другого лица - при насилии или угрозе, либо воля действующего лица в других случаях сформирована под воздействием обстоятельств, искажающих его истинную волю.

Все эти обстоятельства при «отречении» Императора Николая Второго, а равно и Великого Князя Михаила Александровича, имели место.

Император заблуждался относительно провозглашенной в воззвании Временного комитета приверженности «думцев» «незыблемости монархического начала». Военный министр генерал Беляев, не предпринимая никаких мер к восстановлению порядка, безответственно телеграфировал «об успокоении». Командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов предлагал в качестве способа усмирения мятежа запасных частей развести мосты, это когда по льду Невы ходили трамваи. Морской министр Григорович, с целью «сохранения ценных кораблестроительных карт», требовал ухода из Адмиралтейства верных Государю войск. Императорский поезд не пропускали в Петроград. Государя не подпускали к телеграфу и телефону (штаб Северного фронта имел прямую телефонную и телеграфную связь с Петроградом). Приказы Верховного Главнокомандующего саботировались и, даже, без Его ведома отменялись. И Родзянко, и Алексеев, все бессовестно лгали Государю об истинном положении в столице, а, ведь, по признанию захватившего Министерство путей сообщения Бубликова достаточно было одной дивизии, чтобы подавить бунт – в Таврическом дворце при сообщении о движении

войск на Петроград несколько раз поднималась паника, при случайных выстрелах на улице «революционные солдаты» выскакивали в окна. Царя самым подлым образом обманывали и в отношении действительного настроения петроградского населения, которое якобы выступало против Государя лично, и в отношении войск, среди которых якобы не было надежных частей. Августейшая семья, не имея возможности вследствие болезни детей выехать из Царского Села, подвергалась величайшей опасности. Ну, конечно, и угроза внутренних беспорядков во время напряженнейшей борьбы с внешним врагом, накануне победы, свидетельствовала о стечении тяжелых обстоятельств, о которых прямо говорится в телеграмме от 2 марта 1917 г. Императору почти открыто угрожали убийством Сына и гибелью всей династии. Воистину, кругом царила «измена, трусость и обман».

Интересны обстоятельства принятия Великим Князем Михаилом Александровичем рассмотренного решения. 3 марта 1917 г. в дом № 12 по Миллионной улице в Петрограде, где находился Великий Князь питерские заговорщики прибыли чуть ли не в полном составе: князь Львов, Гучков, Родзянко, Милюков, Керенский, Некрасов, Ефремов, Ржевский, Бубликов Терещенко, Шидловский, Шульгин, Набоков, Нольде^x и другие лица и убеждали его отказаться от Престола в пользу народа, который впоследствии сам изберет его или кого-нибудь другого. При этом Керенский заявил: «Я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь *в случае решения занять престол...* Во всяком случае... *я не ручаюсь за жизнь вашего высочества!...*».

Все это совершенно определенно говорит о том, что отречение не состоялось. Святой Царь-Мученик остался законным Государем Российской Империи вплоть до Его, подобной Господней Жертве на Кресте, кончины 17 июля 1918 г.

Власть Временного правительства, равно как и власть его «наследников» – власть узурпированная, власть незаконная. Со 2 марта 1917 г. на всей территории Российской Империи ни одного мгновения не существовало и не существует какого бы то ни было рода или вида («ветви») государственной власти, которая могла бы претендовать на какой угодно род или вид законной преемственности. Все имеющиеся документальные акты перехода власти от законных ее носителей, отказа от нее и проч. – все это с юридической точки зрения не выдерживает самой снисходительной критики. Россия юридически и по сей день - Самодержавная Православная Монархия. Всякий «избиратель» или его «избранник» – лишь звено в эстафете преступников, продолжение которой и есть залог достигнутого 87 лет назад губительного успеха.

В 1613 году Народ Русский присягнул Дому Романовых до скончания века, «твердо и неразрушимо в предъидущие лета, в роды и роды». «А кто убо не похощет послушати сего Соборного Уложения... по священным правилам святых Апостол и Вселенских седми Соборов Св. Отец и Поместных... извержен будет, и от Церкви Божией отлучен, яко раскольник Церкви Божией и всего Православного Христианства...»

ⁱ Не о тверди небесной, естественно, идет речь, а небесах духовных.

ⁱⁱ Не в физическом, конечно же, только смысле, но в смысле прерогатив Священного Царского служения.

ⁱⁱⁱ Мы не говорим о действиях лиц, в результате усилий которых такая телеграмма появилась, они то уж, конечно, имеют юридической значение, но с точки зрения уголовного права. Этой проблемы мы здесь касаться не будем.

^{iv} Не в смысле Совета Министров, а в смысле прав по управлению государством.

^v В первых телеграммах ни о какой Государственной Думе и т.п., как видим, не говорится вовсе.

^{vi} Это был единственный документ, подписанный Николаем Вторым карандашом.

^{vii} Согласно ст. ст. 54, 139, 187 Свода Основных Государственных Законов Манифестами объявлялось только о восшествии на Престол, рождении, вступлении в брак и кончине Великий Князей. Ни о каких манифестах об отречении от Престола, в имперском законодательстве речи нет.

^{viii} Престол переходит к законному Наследнику в самый миг наступления соответствующего события и Наследник, став в силу прямого указания закона Императором, не может отказываться от лежащего на нем долга. Гражданско-правовой порядок отказа от принятия наследства здесь не применим.

^{ix} Согласно ст. 94 «доколе новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу». Законы же должны были быть одобрены и Государственной думой и Государственным Советом (ст. 111), а *потом* утверждены Государем.

^x Трое последних и составили цитируемый «акт».